

«МОГУ В ПАРИЖ И ВЕНУ, НО БРЕЖУ Я МОСКВОЙ»

ОТ АВТОРА:

Среди сотрудников руководимой мной в течение четверти века Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР, помимо обычных рабочих — жителей окрестных сел, были и совсем необычные.

Некоторых из них привлекла в экспедицию любознательность, например, известных физиков — нынешнего академика Л. Окуня, зав. кафедрой теоретической физики Физико-технического института на Долгопрудной проф. В. Берестецкого, известного журналиста Ю. Зерчанинова и др.

А все же большинство из этих необычных рабочих попадало в экспедицию далеко не только из любознательности. Это были активные участники правозащитного, или, как его тогда называли, демократического движения. Карательные органы применяли по отношению к ним нехитрую, но весьма подлую и эффективную тактику. Люди эти, как правило, были абсолютно чистые и честные, приписать им какую-либо уголовщину, что было бы очень желательно для карателей, возможности не имелось. Тогда их до или после тюрьмы и лагеря (ныне отмененные печально знаменитые статьи

УК РСФСР №№ 70 и 190) не брали ни на какую работу или учебу и, обвинив в тунеядстве, давали новый срок.

Целый ряд таких людей я зачислял к себе в экспедицию рабочими, спасая их этим от ссылки. Как же: бланк с грифом экспедиции Академии наук СССР, подпись начальника экспедиции, печать — словом, не придерешься. Конечно, это вызвало бурную реакцию у соответствующего ведомства и его пособников и не прошло для меня даром, но это особый разговор. Во всяком случае, я счастлив, что хоть немного смог облегчить жизнь нескольким замечательным людям, причем все они стали моими близкими друзьями.

Вот о некоторых из них я и хочу рассказать в книге «Чернорабочие». Кстати, название взято из дарственной надписи на книге одного из таких моих друзей, доктора физико-математических наук Г. Копылова, там были слова: «Начальнику экспедиции от чернорабочего».

Предлагаю отрывок из этой книги, из новеллы о поэте Науме Коржавине (Манделе) — о моем друге Эмке.

...Когда я вернулся из института, то, еще не сняв пальто и шапки, увидел в холле за столом двух офицеров: старшего лейтенанта с подбритыми бровями, с землистым цветом лица, со странной неуместной ухмылкой на тонких губах и розовощекого капитана, который сидел напряженный, боясь пошевелиться, а наша похожая на овцу добродушная собака Дэзи — неошипанный эрдель-терьер — меланхолично играла краем его френча.

— Вы Федоров? — спросил капитан.

— Я.

— Уберите, пожалуйста, собаку.

— Она же не кусается, — удивился я.

— Она уже два часа жует мой мундир.

Я отозвал Дэзи, и капитан, облегченно вздохнув, попросил показать, где моя комната.

Мы вошли туда. Старший лейтенант плотно притворил дверь, а капитан протянул мне бумагу, перечеркнутую по диагонали красной полосой. Наверху крупными буквами было напечатано: «Ордер на арест». Ордер был подписан генерал-лейтенантом Васильевым. Только справившись с волнением, я уви-

(Окончание на 8—9-й стр.).

Экран и сикера. - 1991. - 24 экз. (N 4) - с. 1, 8-9

«МОГУ В ПАРИЖ И ВЕНУ,
НО БРЕЖУ Я МОСКВОЙ»

Зная, что в те времена в каждой крупной экспедиции находится кто-нибудь из «доброжелателей», я подумал: черт его знает, кого ко мне зашлют. Лу-

И пошли воспоминания о людях, работающих в нашей области науки. У нас оказалась масса общих знакомых. Глаза полковника разгорелись, он с восторгом расспрашивал, кто что делает. Я отвечал ему в тон, но помнил хорошо и свою сверхзадачу и не-

моя теща и еще, моя — М. Г. Рошаль-Строева, кино-режиссер и писатель, — моя жена. Г. Ф.

так как сведения об арестованных сообщали только

1

«Сплетения». Почти все они — о России.

9 страница